

**ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ
ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ**

ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

С. И. КОВАЛЕВ

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ
И КЛАССОВАЯ СУЩНОСТЬ
ХРИСТИАНСТВА**

ЛЕНИНГРАД
1951

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Доктор исторических наук
С. И. КОВАЛЕВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ
И КЛАССОВАЯ СУЩНОСТЬ
ХРИСТИАНСТВА

Стенограмма публичной лекции

ЛЕНИНГРАД
1951

Редактор—*кандидат исторических наук М. И. ШАХНОВИЧ*
Редактор Отделения Общества—*Л. П. Иванова*

М-21753 Подписано к печати 23-IV-1951 г. Объем 2,25 п. л.
Заказ 238 Тир. 25000 экз.

Типография Ленинградского Дома Научно-технической пропаганды

Классики марксизма-ленинизма, совершившие полный переворот в науке, впервые вскрыли истинную сущность религии. В статье «Об отношении рабочей партии к религии» В. И. Ленин писал, что «религия есть опиум народа,—это изречение Маркса есть краеугольный камень всего миросозерцания марксизма в вопросе о религии».¹ В. И. Ленин указывал в письме к А. М. Горькому, что «бог есть (исторически и житейски) прежде всего комплекс идей, порожденных тупой придавленностью человека и внешней природой и классовым гнетом,—идей, *закрепляющих* эту придавленность, *усыпляющих* классовую борьбу».²

В наши дни, когда американско-английский империализм широко использует религию для подготовки новой мировой войны, особенно видно значение религии как идеологического оружия в руках эксплуататорских классов. Президент США Трумэн каждое свое кровавое выступление, каждое «послание» конгрессу об увеличении военных кредитов с отвратительным лицемерием сопровождает божьим именем. Известный поджигатель войны Джон Фостер Даллес, называющий кровавую авантюру американских империалистов в Корее «крестовым походом», является руководителем американских протестантских религиозных организаций.

Заправилам Уолл-стрита всячески помогает Ватикан—этот центр католического мракобесия, благословляющий все злодеяния американских империалистов. Не случайно в 1949 году папа римский Пий XII получил титул почетного полисмена города Чикаго и золотой почетный знак полицейского. Этим Уолл-стрит наглядно охарактеризовал «наместника

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 15, стр. 371.

² Там же, т. 35, стр. 93.

бога» как своего полицейского пса. С помощью радио, кино и печати Ватикан ведет разнузданную пропаганду, всячески стремясь отвлечь трудящихся от защиты их экономических и политических интересов, притупить их классовое сознание, превратить в пушечное мясо.

Эта растлевающая пропаганда протестантских и католических организаций ведется под маской христианства. Поэтому не удивительно, что различные церковные проповедники и дипломированные лакеи империализма, мракобесы от науки, особенно настойчиво распространяют сейчас всевозможные сказки о происхождении христианства, всячески пытаются извратить его историю и классовую сущность. Основная их задача — доказать подлинность «священного писания» и историческую реальность мифического основателя христианства — Иисуса Христа. Не так давно американские археологи даже производили раскопки в Палестине, пытались найти вещественные остатки земной жизни и деятельности Иисуса. Излишне говорить, что таких остатков найти не удалось.

Вот почему особенно полезно разобраться в той массе сложного, противоречивого и в значительной части фальсифицированного материала, связанного с ранним христианством, на который стараются опереться церковники в своей пропаганде.

Вопрос о происхождении христианства, как и вопрос о происхождении других исторических религий, — один из наиболее сложных в науке. Это объясняется характером возникновения всякой большой религии. «С такой религией как христианство нельзя покончить *только* с помощью насмешек и нападок, ее нужно также *преодолеть научно*, т. е. путем исторического объяснения, и с этой задачей *не в состоянии справиться* даже естествознание».¹

История учит, что религия в классовом обществе появлялась, как массовое стихийное движение, корни которого глубоко скрыты в социально-экономических условиях жизни людей. Всякая религия, как правило, рождалась в напряженной социальной атмосфере. Это — атмосфера глубокого недовольства окружающим миром, сознания слабости («греховности») человека и полной невозможности для него собственными силами изменить условия жизни. Это — атмосфера страстного ожидания знамений и чудес, горячей веры в «сверхъ-

¹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. X, стр. 352.

естественную силу», которая будто бы только одна и может помочь человеку.

В такой обстановке конкретный факт может мгновенно окутываться покровом мифа, и извлечь его из-под этого покрывала весьма и весьма сложно. Слухи рождаются сами собой, но будучи повторены тысячеустой молвой, они превращаются в мнимые факты. Роль отдельной личности здесь чрезвычайно мала. Большие религии создаются бесчисленными безымянными «пророками» и проповедниками. И только позднейшая легенда выдумывает какой-нибудь фантастический образ, наделяя его сверхчеловеческими чертами единого создателя новой религии.

Задача историка в этой области осложняется еще и тем, что он обычно имеет дело с источниками более поздними, чем изучаемое им религиозное явление, которые отражают уже сложившуюся религию. Такие источники, как сутры, евангелие, коран и др., излагают легендарно-мифологический материал почти в готовом виде. Подобные источники составляют последователи новой религии, заинтересованные в ее распространении, и они произвольно подбирают материал, выдумывают одни факты и скрывают другие. Все это делается в целях пропаганды нового учения.

Источники по истории раннего христианства страдают всеми этими недостатками. Официальные источники — это четыре евангелия¹ (Матфея, Марка, Луки и Иоанна), «Деяния апостолов», «Послания апостолов» и «Откровение святого Иоанна Богослова» («Апокалипсис»).

Самое раннее из этих произведений — «Апокалипсис» — составлено в конце 60-х годов I века нашей эры. Самое позднее — евангелие Иоанна — около середины II века. Следовательно, эти произведения появились значительно позднее тех событий, о которых в них идет речь.

Насколько они далеки от этих событий, показывает тот факт, что новозаветные книги написаны на древнегреческом языке, тогда как разговорным языком в Палестине был арамейский. Если даже допустить, что апостолы умели литературно писать по-гречески (судя по евангелию, они были малообразованными людьми), тогда непонятно, почему они предпочли написать свои произведения по-гречески, а не по-арамейски.

Таким образом, дошедшая до нас официальная христиан-

¹ Евангелие по-древнегречески — «благая весть».

ская литература представляет позднюю запись древнейшего устного предания. К тому же евангелия уже в записанном виде неоднократно перерабатывались, и найти в них первичное ядро невозможно.¹ Поэтому мы не можем установить подлинных авторов ни первоначальной записи, ни позднейших переработок. Четыре евангелиста, подобно всем другим апостолам, вымышленные лица, так как нет никаких доказательств их исторического существования.

Если обратиться к содержанию евангелий, то сразу же бросится в глаза их сказочный, мифологический характер. Они повествуют о жизни, смерти и воскресении «сына божия», Иисуса из Назарета. Это — типичный миф, похожий на аналогичные мифы восточных религий. Все в этой истории, начиная с чудесного рождения Иисуса от девы Марии и «духа святого» и кончая его воскресением и восшествием на небеса, является вымыслом. Нет необходимости указывать, насколько сказочны сообщения евангелий о том, как Иисус превращает воду в вино, насыщает 5000 человек пятью хлебами, ходит по водам, исцеляет больных и воскрешает мертвых.

К этому нужно добавить, что между евангелиями существуют большие расхождения. Это исключает возможность, даже в евангельских рамках, дать свободную от противоречий историю мифической жизни Иисуса Христа.

Остановимся на некоторых расхождениях.

Прежде всего, четвертое евангелие (Иоанна) резко отличается от трех остальных как своим общим характером, так и некоторыми существенными деталями. В то время как в первых трех мы находим простой и безыскусственный рассказ, — четвертое евангелие представляет собой законченное и литературно обработанное религиозно-философское произведение. Только в нем мы находим рассказ о таком необычайном чуде, как воскрешение Лазаря. Зато в четвертом евангелии нет ни слова о чудесах, которые произошли во время распятия и смерти Иисуса. Четвертое евангелие ничего не говорит о рождении и детских годах Иисуса, так же как и о его вознесении на небо. Расходится четвертое евангелие с тремя первыми и в датировке смерти Христа: по Иоанну это произошло в 14-й день месяца Нисана, по трем остальным — в 15-й день.

¹ Уже самое название евангелий говорит об этом. В греческом оригинале они названы „евангелие по Матфею“, „по Марку“ и т. д., что в русском синодальном переводе неправильно передано как „евангелие от Матфея“, „от Марка“ и т. д.

Больше сходства между тремя первыми евангелиями, почему их и называют синоптическими, или синоптиками.¹ Однако и между ними есть существенные расхождения. Так, о вознесении на небо рассказывают только Марк и Лука; о рождении Иисуса — только Матфей и Лука. «Нагорная проповедь» Иисуса по Матфею (гл. 5) происходит на горе, а по Луке (гл. 6) — на ровном месте (у Марка и Иоанна о ней вообще нет ни слова). Только у Луки Иисус перед тем, как пойти на гору Елеонскую, приказывает ученикам заpastись мечами (гл. 22). Эпизод в доме Симона прокаженного у Марка (гл. 14) рассказывается совершенно иначе, чем у Луки (гл. 7). Таких расхождений и противоречий в евангелиях можно найти огромное количество. Ни один миф об Иисусе не излагается одинаково.

Не лучше обстоит дело с характером и содержанием проповеди Иисуса. В евангелиях мы не найдем никакого сколько-нибудь стройного и связного изложения его учения. Это — хаотический набор отдельных сентенций, часто весьма противоречивых. Например, у Луки (гл. 12) Иисус заявляет, что он «пришел огонь низвести на землю», что он принес не мир земле, но раздор. У того же Луки Иисус приказывает ученикам купить мечи. В евангелии Луки довольно много антисобственнических выпадов. Там читаем такие изречения, как «все, что имеешь, продай и раздай нищим», «легче верблюду пройти сквозь игольные уши, чем богатому войти в царство божие» (гл. 18). С другой стороны, тот же Лука дает классическую формулу примирения с существующим порядком вещей: «Отдайте кесарево кесарю, а божие богу» (гл. 20).

У Матфея Иисус в гл. 5 восхваляет миротворцев («Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими») и порицает гнев против ближних (« . . . Всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду . . . »). В главе же 10-й Иисус заявляет: «Не думайте, что я пришел принести мир на землю: не мир пришел я принести, но меч».

Кроме внутренних противоречий, во всех четырех евангелиях много исторических несообразностей. Таковы, например, рассказы у Луки (гл. 2) и Матфея (гл. 2) об обстоятельствах, сопровождавших рождение Иисуса. Он якобы родился во время правления иудейского царя Ирода и сирийского наме-

¹ Синопсис по-древнегречески — «совместное обозрение».

стника Квириния. Но этого быть не могло, так как Ирод умер за 10 лет до того, как Квириний был назначен наместником Сирии. Всеобщей переписи населения Римской империи при Августе, о которой говорит Лука, не было. Множество нелепостей содержится в евангельских рассказах о суде над Иисусом и его казни. Эти рассказы свидетельствуют о том, что авторы евангелий не имели никакого представления ни о римском, ни о иудейском праве. Иисуса арестовывают в пасхальную ночь и ночью же судят в доме первосвященника, приговаривая к смерти. Все это — сплошной абсурд. Произвести арест в праздник, по еврейским религиозным правилам, было нельзя. Ночной суд, да еще в частном доме, — вещь совершенно невозможная. Римский прокуратор¹ Понтий Пилат ведет себя в высшей степени нерешительно, вплоть до знаменитого омовения рук (этот эпизод, кстати, есть только у Матфея, гл. 27). Такая нерешительность мало подходит к римскому наместнику вообще и к Пилату — в частности. В довершение всех этих несообразностей, евангелисты переносят местопребывание прокуратора в Иерусалим, тогда как в действительности он жил в г. Цезарее.

Вряд ли стоит говорить о всех нелепостях евангельского рассказа о распятии Христа, так как и без этого ясно, что новозаветная литература ни в каком случае не может считаться достоверным историческим источником для изучения возникновения христианства. Самое большее, что она может дать, это некоторый материал для суждения о социальном составе раннехристианских общин, их организации, настроений и пр.

Те же самые черты, которыми отличается официальная (каноническая) христианская литература, мы находим и в тех книгах, которые не вошли в список признанных церковью. Такие произведения, как «Учение 12 апостолов» (Дидахе), «Пастырь» Ерма, так называемые «апокрифические» («подложные») евангелия — Иакова, Фомы, Никодима и др., также дают нам некоторый материал для изучения идеологии первоначального христианства. Однако, как и официальная литература, эти произведения лишь в незначительной степени облегчают поиски конкретно-исторических путей возникновения новой религии.

¹ Прокуратор — императорский финансовый чиновник в провинциях. В маленьких провинциях прокуратор являлся наместником, которому принадлежала высшая административная и судебная власть.

Таким образом, раннехристианская литература, т. е. литература, сложившаяся до середины II века, лишь в очень ограниченной степени может быть признана историческим источником. Что же касается более поздних христианских писателей — Тертуллиана, Оригена, Евсевия и др., — то сомневаться в их историческом существовании и подлинности их основных произведений у нас нет никаких оснований. Однако следует помнить, что все они жили много позднее (конец II—IV века), и их произведения служить источником для истории раннего христианства не могут.

Что же касается сведений о христианстве I века, которые мы находим у нехристианских писателей I века, то они являются подделкой. Самые ранние из таких «сведений» принадлежат римским писателям I—II веков Тациту и Светонию и еврейскому писателю I века Иосифу Флавию.

Начнем с последнего.

В «Иудейских древностях»,¹ говоря о Пилате, Иосиф Флавий замечает: «В это время жил Иисус, мудрый муж, если только его можно назвать человеком. Ибо он творил чудеса и учил людей, которые радостно воспринимали возвещаемую им истину. Много иудеев и эллинов он привлек на свою сторону. Это был Христос. Хотя Пилат по доносу знатнейших людей нашего народа приговорил его к распятию на кресте, прежние последователи Христа не отпали от него. Ибо на третий день он снова явился к ним живой, как об этом и о многих других чудесных делах Христа предсказывали богом посланные пророки. И до нынешнего дня существует еще секта христиан, которые от него получили свое имя» (XVIII, 3, 3).

Это место является безусловной подделкой. Оно резко выпадает из контекста сочинения Флавия. Непосредственно перед этим историк рассказывает о волнениях иудеев, вызванных тем, что Пилат собирался провести водопровод в Иерусалим за счет храма. Волнения закончились кровавым усмирением. Далее следует вышеприведенный отрывок об Иисусе. Сейчас же после него Иосиф Флавий пишет: «Как раз в это время иудеев взволновало другое бедствие». Далее рассказывается о скандальном происшествии, случившемся с одной римской матроной в храме Исиды и вызвавшем репрессии по отношению к поклонникам египетской богини. Наконец, следует сообщение об изгнании из Рима иудеев за проступок одного из их единоплеменников (XVIII, 3, 2, 4—5).

¹ Общепринятое название. Точный перевод заглавия сочинения Иосифа Флавия — «Иудейская древняя история».

Совершенно очевидно, что никакой связи между отрывком об Иисусе и двумя другими рассказами Иосифа нет. Вполне понятно, что усмирение иудейского восстания Пилатом Иосиф рассматривает как бедствие для иудеев; точно также естественно, что еврейский историк выражает огорчение по поводу преследований, обрушившихся на приверженцев восточных культов и, в частности, иудеев. Но абсолютно непонятно, почему казнь Иисуса Флавий рассматривал как несчастье, поскольку Флавий был иудеем. К тому же совершенно невероятно, чтобы правоверный иудей Флавий мог говорить в таких выражениях о Христе. Как же этот отрывок мог попасть в «Иудейские древности»? Какой-нибудь христианский переписчик, переписывая это сочинение, был поражен тем, что в нем ничего не говорилось о Христе. Поэтому он решил «исправить» еврейского историка и написал вышеприведенную фразу на полях рукописи, а при последующих переписках, как это часто бывало с античными рукописями, она вошла в текст. Христианский писатель Ориген, живший в конце II и в первой половине III веков, ничего не знает об этом месте в сочинении Иосифа Флавия. Это доказывает, что интерполяция (вставка) была сделана не раньше второй половины III века.¹

Знаменитый римский историк Тацит, рассказывая в XV книге своей «Летописи» о пожаре, уничтожившем значительную часть Рима (64 год), говорит, что император Нерон приказал арестовать много людей по обвинению в поджоге города. В народе ходили упорные слухи, что Рим подожгли по приказанию самого императора. «Поэтому,—пишет Тацит,—чтобы уничтожить этот слух, Нерон подставил виновных и применил самые изысканные наказания к ненавистным за их мерзости людям, которых чернь называла христианами. Виновник этого имени Христос был в правление Тиберия казнен прокуратором Понтием Пилатом, и подавленное на время пагубное суеверие вырвалось снова наружу и распространилось не только по Иудее, где это зло получило начало, но и по Риму, куда стекаются со всех сторон и где широко прилагаются к делу все гнусности и бесстыдства» (XV, 44).

В научной литературе можно встретить мнение, что это место также является христианской интерполяцией. Однако,

¹ Аналогичный характер интерполяций имеют два других места из «Иудейских древностей»: XX, 9, 1, где говорится об Иакове, брате Иисуса, «так называемого Христа», и XVIII, 5, 2, где речь идет об Иоанне Крестителе.

если это и фальшивка, то фальшивка гораздо более искусная, чем приведенные выше места из Иосифа Флавия. Предположим, что отрывок Тацита подлинный. Что он дает для истории возникновения христианства?

«Летопись» Тацита была написана около 115—117 годов. К этому моменту христианство, повидимому, уже достаточно обособилось от других восточных культов и, в частности, от иудейства, чтобы выступить в качестве самостоятельного религиозного течения.¹ Возможно также, что к этому времени уже сложился первый очерк мифа о Христе. Нет ничего невероятного в том, что и Тацит кое-что об этом слышал. Однако он ошибочно перенес имя христиан на арестованных в 64 году членов различных восточных сект. Среди них могли быть и христиане, но едва ли они в это время идеологически и организационно обособились от других течений. Характерно, что Тацит не называет имени Иисуса, а употребляет нарицательное имя «Христос», что по-гречески значит «помазанник» и соответствует древнееврейскому «мессия».

Таким образом, Тацит, даже если предположить, что приведенное место из «Летописи» является подлинным, не дает ничего конкретного для истории возникновения христианства, да и в науке уже известно, что это место в «Летописи» — подделка.

Перейдем к Светонию.

Его «Жизнеописание двенадцати цезарей» было написано несколько лет спустя после «Летописи» Тацита, вероятно в 119—121 годах. В биографии императора Клавдия (гл. 25) Светоний пишет: «Иудеев, которые, по подстрекательству Христа, заводили непрерывные смуты, он изгнал из Рима». Совершенно ясно, что здесь речь идет не о Христе, а о каком-то агитаторе Хресте, который подстрекал римских иудеев, как предполагают, не платить налогов. Имя «Хрест» в Риме было довольно обычным и часто встречается в надписях. К христианству это место, во всяком случае, никакого отношения не имеет.

В биографии Нерона (гл. 16) о христианах кратко говорится безотносительно к пожару Рима: «Были подвергнуты казни христиане, люди нового и зловерного суеверия». Это место дает еще меньше, чем «Летопись» Тацита. Светоний

¹ Христиане фигурируют в переписке Плиния Младшего и императора Траяна (X, 96—97), относящейся к 111—113 годам, однако подлинность этого места переписки сомнительна.

впадает здесь в тот же анахронизм, что и Тацит, перенося термин «христиане» из своего времени в более раннюю эпоху.

Таким образом, самые ранние сведения, которые дают нам о христианстве нехристианские писатели, либо являются подделкой, либо не сообщают никаких конкретных данных о его возникновении. Но, может быть, о христианстве сохранились какие-нибудь известия у писателей более ранних, чем Иосиф Флавий, Тацит и Светоний? Если верить «священному писанию», основатель христианства жил в первой трети I века. При его жизни и в момент его смерти происходили такие чудеса, что современники не могли не обратить на них внимания. По словам евангелиста Матфея, в то время, когда Иисус был распят на кресте, по всей земле в течение трех часов царил тьма, а в момент его смерти «завеса в храме раздралась надвое, сверху до низу, и земля потряслась, и камни расселись, и гробы отверзлись, и многие тела усопших святых воскресли».

В это время жили знаменитые римские ученые Сенека и Плиний Старший, весьма интересовавшиеся всеми необычными явлениями природы. В «Естественной истории» Плиния есть даже целая глава о затмениях. Однако ни Сенека, ни Плиний ни слова не говорят о необычных событиях, разыгравшихся в Палестине во время смерти Иисуса...

Итак, в наших руках нет ни одного источника, сколько-нибудь заслуживающего доверия, на который мы могли бы опереться в вопросе о происхождении христианства. Более или менее точными сведениями о нем мы обладаем только начиная с конца II века. Однако к этому времени христианство было уже в значительной степени сложившимся. На вопрос же о том, как оно возникло, источники конца II—III веков ответа не дают.

Вопрос этот осложняется еще тем, что происхождение христианства никогда не было чисто «академической» проблемой. Начиная с возникновения этой новой религии и вплоть до наших дней вокруг этой проблемы кипела острая политическая борьба. На протяжении почти двух тысячелетий христианство использовалось, как сильнейшее орудие классово-политической борьбы, в разные эпохи — разными классами и для различных целей.

Выдумка и искажение фактов, их тенденциозное освещение, фальсификация документов — таковы обычные приемы борьбы, употребляемые защитниками христианства. В дворянской и буржуазной литературе мы не найдем подлинно научного подхода к христианству. Историки церкви пытались

решить вопрос с определенных клерикальных позиций апологии христианства.

Только марксизм-ленинизм впервые дал возможность строго научного подхода к вопросу о происхождении и классовой сущности христианства. Классики марксизма-ленинизма в своих произведениях неоднократно касались христианства. Они впервые строго научно поставили и решили основные проблемы, связанные с возникновением и дальнейшим развитием христианства. Таковы вопросы об исторических предпосылках христианства, классовой сущности раннего христианства и превращения его в религию эксплуататорских классов.

При решении проблемы происхождения и классовой сущности христианства перед нами встают два основных вопроса. Первый вопрос — *почему* появилось христианство, т. е. вопрос об его социально-политических и идеологических предпосылках. Второй вопрос — *как* оно появилось, т. е. вопрос о конкретных путях его возникновения.

Первый вопрос значительно легче второго. Можно сказать, что марксистско-ленинская наука уже на него в основном ответила. В первой половине I века нашей эры в Римской империи, охватившей к этому времени весь район Средиземного моря с прилегающими к нему странами, воцарилась глубокая политическая реакция. В предыдущий период в Италии и в провинциях в течение ста лет происходили гражданские войны. Мощные восстания рабов, движение разорявшегося крестьянства, борьба бесправных италиков и провинциалов за гражданские права потрясали римскую державу. Но эти революционные движения не могли сломить гнет Рима. Римское рабовладельческое общество во II—I веках до нашей эры находилось в высшей точке своего расцвета. Рабы же обладали низким уровнем классового сознания, слабой степенью организованности и не имели ясной программы. «Рабы, как мы знаем, восставали,—говорит В. И. Ленин,—устраивали бунты, открывали гражданские войны, но никогда не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов».¹

Точно так же слаба была и римская демократия: она страдала от внутренних противоречий и была ослаблена большим количеством деклассированных городских элементов, не имев-

¹ В. И. Ленин. О государстве. Соч., изд. 4-е, т. 29, стр. 449.

ших определенной политической программы и легко доступных подкупу. К этому нужно добавить, что движения рабов, с одной стороны, и сельской и городской бедноты, — с другой, как правило, протекали изолированно друг от друга. В этот период между рабом и свободным бедняком существовал известный антагонизм, исчезнувший только в самом конце римской истории.

Поэтому революционные движения II—I веков до нашей эры были подавлены. Их конечным результатом явился переход к новой политической системе, к системе империи. Это была военная диктатура рабовладельцев, выросшая во время гражданских войн и направленная против революционного движения рабов и свободной бедноты.

Конец I века до нашей эры и первая половина I века нашей эры и были эпохой глубокой реакции. Правление императора Августа (30 год до нашей эры — 14 год нашей эры), приемного сына Цезаря, основателя римской империи, характерно попыткой реставрации старых общественных форм, старых обычаев, старых «добрых» нравов. При его преемниках, императорах Тиберии (14—37 годы), Калигуле (37—41 годы), Клавдии (41—54 годы) и Нероне (54—68 годы), реакция принимает еще более жесткие формы. Императоры подавляют остатки аристократической республиканской оппозиции и революционно-демократического движения беспощадными методами открытого террора: казнями, ссылками, конфискацией имущества.

После разгрома революционного движения низшие слои римского общества были охвачены отчаянием, сменившимся глубокой апатией. У рабов и свободной бедноты отсутствовало ясное классовое сознание и поэтому не было никаких перспектив, никаких надежд на будущее.

Такое состояние общественной депрессии, упадка, безнадежности, характерное для периода реакции I века империи, было весьма благоприятно для развития религиозных настроений. Эти настроения прежде всего должны были охватить общественные низы.

«Десятки и сотни раз, — говорит товарищ Сталин, — пытались трудящиеся на протяжении веков сбросить с плеч угнетателей и стать господами своего положения. Но каждый раз, разбитые и опозоренные, вынуждены были они отступить, тая в душе обиду и унижение, злобу и отчаяние

и устремляя взоры на неведомое небо, где они надеялись найти избавление».¹

Казалось, сломить страшный гнет рабовладельческого Рима невозможно. Но люди, народные массы не могут жить в абсолютном тупике. «Где же был выход, — спрашивает Энгельс, — где было спасение для поработанных, угнетенных и обнищавших — выход, общий для всех этих различных групп людей с чуждыми или даже противоположными друг другу интересами? И все же найти такой выход было необходимо, чтобы одно великое революционное движение охватило их всех. Такой выход нашелся. Но не в этом мире. При тогдашнем положении вещей выход мог быть лишь в области религии».²

Христианство возникло, как своеобразное движение масс, пытавшихся найти в религии спасение от окружающей действительности. «...Раньше христианство считалось, — пишет И. В. Сталин, — среди угнетенных и задавленных рабов обширнейшей Римской империи якорем спасения...»³ Конечно, спасение было иллюзорным. Религия ни от чего не спасала человека, она только играла роль наркотика, притупляющего боль: «Религия есть опиум народа». Низшие слои римского общества, задавленные нуждой, стоявшие на крайне низком уровне классового сознания, потерявшие надежду когда-нибудь добиться улучшения своего положения, искали в религии призрачного утешения.

Но почему нужна была *новая* религия? Разве старые культы греко-римского мира не могли утолить возросшую жажду религиозного?

Этот вопрос подводит нас к идеологическим корням христианства. Старая римская религия возникла тогда, когда Рим был еще маленьким городом-государством. Население его занималось, главным образом, сельским хозяйством. Религиозные потребности этого населения вполне удовлетворялись поклонением родовым и семейным богам, а также мелким божествам природы. Позднее римская религия подверглась некоторому греческому влиянию. Местные италийские божества — Юпитер, Юнона, Минерва, Диана, Марс — были сопоставлены со сходными греческими богами и приобрели более четкие формы. Но и такая эллинизированная римская

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 47.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 423.

³ И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 347.

религия продолжала оставаться наивным политеизмом (многобожием), соответствующим примитивным общественным отношениям ранней республики.

После того как под власть Рима перешел весь культурный мир Средиземноморья, после того как Италия испытала сильные изменения в хозяйственной и социальной жизни, — старая религия перестала удовлетворять возросшим религиозным потребностям.

Тогда среди широких масс Италии и вообще западной половины римского государства начинают распространяться различные восточные верования. На Востоке — в Египте, Вавилонии, Сирии, Малой Азии, а также в Греции — издавна существовали мистические, тайные культы. В Египте это были мистерии Осириса и Исиды, в Вавилонии — Таммуза и Иштари, в Сирии и Малой Азии — Аттиса и Кибелы, в Греции — Диониса. Все эти культы были связаны с верой в божество, которое умирает и затем воскресает.

Являясь первоначально формой земледельческой религии, отобразившей в фантазии людей их бессилие перед природой, их почитание зерна (зерно, попавшее в землю, умирает как таковое, но порождает из себя новую жизнь), культы умирающего и воскресающего божества в дальнейшем, под влиянием роста социальных противоречий, развиваются. Боги земледельческих культов приобретают образы богов-избавителей, которые своей смертью будто бы искупают грехи человека, а своим воскресением якобы дают ему надежду на бессмертие.

Обрядовая сторона этих культов находилась в полном соответствии с их мистическим содержанием. Они носили тайный характер и были доступны только «посвященным». Богослужение было театрализовано с целью сильнее повлиять на воображение верующих. Большую роль в нем играли музыка, чередование света и темноты и пр. Участники мистерий доводили себя до экстаза, до состояния исступления различными способами — постом, головокружительной пляской, музыкой. Тогда им казалось, что они теряют себя, свою личность и сливаются с божеством.

По сравнению с официальной римской религией эти восточные культы обладают огромной притягательной силой. Они в изобилии давали тот религиозный дурман, в котором так нуждался дряхлеющий греко-римский мир. Еще в конце III века до нашей эры в Риме было введено почитание «Великой матери богов», сирийской Кибелы. В начале II века до нашей эры культ Диониса завоевал себе такую популярность

в Риме и Италии, что сенат вынужден был запретить его. Но особенно широкое распространение получили восточные религии в эпоху империи. В начале III века нашей эры дело дошло до того, что даже на троне римских цезарей в течение четырех лет восседал жрец сирийского бога солнца Элагабал.

В восточных религиях были еще две черты, которые привлекали к ним греко-римское население империи. Первая черта — мессианизм. Название происходит от слова «мессия», что, как мы видели выше, по-древнееврейски значит «помазанник». Мессианизм — религиозное течение, особенно сильно выступавшее в иудейской религии I века нашей эры (хотя зародилось оно там значительно раньше) и в иранском культе бога солнца Митры.

Мессианизм исходил из признания греховности мира, слабости человека и невозможности для него спастись собственными силами. Отсюда — вера в мессию, который мыслился как посланник бога, как его воплощение, как сын божий. Низшие слои еврейского народа, страдавшие под двойным гнетом — римлян и своих собственных угнетателей — в период возникновения христианства страстно верили, что настанет день, когда явится «помазанник божий» и спасет свой народ от рабства.

Поклонники Митры ждали появления спасителя (саошьянта), которому надлежало родиться от непорочной девы.¹ Он сокрушит царство злого духа — Аримана — и свергнет его самого и его воинство в поток расплавленного металла, где они и погибнут, а на земле, очищенной огнем после мирового суда, воцарится царство добра. Греческий писатель Плутарх, излагая верования митраистов, так описывает этот последний страшный суд над силами зла: «Настанет предопределенное время, когда Ариману, наславшему на землю чуму и голод, необходимо будет погибнуть навсегда, а людям сделаться блаженными и единопольными, при одной жизни и едином политическом устройстве, на земле, ставшей гладкой и ровной».²

Культе Митры раньше всего проник в римскую армию, откуда быстро распространился по всей империи. Относительно демократический характер митраизма, сильная струя мессианизма, которая в нем была, театральная пышность мистерий Митры — все это чрезвычайно импонировало религиозным настроениям широких слоев римского общества и создало

¹ По другому варианту мифа сам Митра спустится на землю.

² Плутарх. Об Исиде и Осирисе, гл. 47.

огромную популярность митраизму. По выражению одного буржуазного историка церкви, в начале IV века было еще неизвестно, кто победит: Христос или Митра.

Победило христианство, потому что оно лучше сумело объединить в себе различные элементы античного мировоззрения, потому что оно было универсальнее и поэтому больше годилось для Римской империи, стиравшей все различия между народами, чем митраизм, в котором были сильны чисто персидские элементы. К тому же митраизм по своему воинственному, агрессивному духу меньше подходил к упадочническим настроениям римского общества, чем христианство. Под знаменем Митры персы вели наступление на Запад, митраизм был религией воинов, и не случайно, что и в Римской империи он получил наибольшее распространение в армии. Немалую роль играло и то обстоятельство, что к мистериям Митры не допускались женщины, тогда как христианский культ был для них открыт.

Христианство включило в свою догматику и обрядность много элементов митраизма. Миф о «непорочном зачатии», знак креста, обряды крещения и причащения, праздник рождения христово — «день рождения непобедимого Солнца» и пр. — таково наследие митраизма в христианстве.

Второй чертой многих восточных религий, привлекавших к ним население западной половины империи, был монотеизм — вера в единого бога. Зародыши единобожия мы находим уже в древневавилонской и древнеегипетской религиях, в культе Митры.

Монотеизм выростал на разной почве. Иногда, как например, в Египте и Вавилонии, он отражал в религиозной форме политическую централизацию древневосточных монархий. Для иудеев вера в единого Ягве являлась идеологическим оружием в борьбе за сохранение ими своего племенного единства против ассимиляции их окружающими народами. Митра, наконец, служил для персов боевым знаменем их наступления на Переднюю Азию.

Население западной половины империи уже давно не верило в своих старых мелких божков. Вера в них перестала удовлетворять и возросшей религиозной потребности и изменившимся политическим отношениям. Если политеизм еще подходил к условиям старой римской республики, то он совершенно не годился для монархии. Единому императору на земле должен был соответствовать единый бог на небе. Римская религия пыталась выйти из положения путем развития в сторону мо-

нотеизма некоторых культов: Юпитера, Ромы (богини города Рима), гения (духа) императора, но эти попытки не привели к сколько-либо серьезным результатам. Все эти культы носили слишком официальный характер и ничего не давали массе. Какое дело было задавленному нуждой римскому ремесленнику или рабу-варвару до гения императора? Монотеизм восточных религий гораздо больше говорил сердцу рядового жителя империи, — тем более, что этот монотеизм был связан с верой в мессию, с мистическими культами, с надеждой на искупление.

Дохристианский монотеизм своего полного развития достиг в учении еврейского религиозного философа I века нашей эры Филона Александрийского. Он довел идею единого бога до ее философской формы, освободив от всех политеистических элементов. Это ему удалось сделать только с помощью греческой идеалистической философии. В учении Филона иудейский монотеизм сочетается с идеализмом Платона. Бог для него — абсолютное начало, настолько высоко стоящее над миром, что для воздействия на этот последний необходим посредник. Роль такого посредника играет Логос (разум, слово), как идеальное проявление абсолютного божества. Когда христианство стало вырабатывать свою догматику, оно широко использовало филоновские понятия бога и Логоса. В христианстве Логос стал пониматься как сын божий, как богочеловек, приобретая черты мессии. Вот почему Энгельс назвал Филона «отцом христианства».

Среди философских предпосылок христианства большое значение имел стоицизм, — самая распространенная в Римской империи этическая философия. Три важнейших составных части стоицизма в христианстве: учение о божественном разуме, управляющем миром, представление о нравственном долге, выполнение которого обязательно для человека, и тезис о равенстве всех людей. «Новая всемирная религия, христианство, — пишет Энгельс, — уже возникла незаметно из смеси обобщенного восточного, в особенности еврейского, богословия и вульгаризированной греческой, в особенности стоической, философии».¹

В процессе формирования христианской догматики в нее вошло также много гностических элементов. Гностицизм² — синкретическое религиозно-философское течение, образовав-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 674.

² От древнегреческого слова «гносис» — знание.

шея в I—II веках из разнообразных, восточных и античных, религиозно-философских элементов. Гностицизм, повидимому, сложился на основе торговых связей, соединявших Римскую империю с Востоком, и отражал религиозную идеологию торговых городских слоев.

Сущность учения гностиков сводится к тому, что человек, путем мистического познания, гносиса, подготовленного умерщвлением плоти, чистотой, воздержанием, может постичь божественную сущность мира. Для гностиков, как и для Филона, бог — абсолютное начало, бесконечное существо, пребывающее вне мира. Материальный мир, как утверждалось, греховен и представляет результат отпадения от бога. Его создал Демиург, особый творец, отличный от бога и лишенный его полноты. Конечной целью мирового процесса является слияние мира с богом. Это выполнит Логос, которого христианские гностики отождествляли с Христом. На этой схеме гностицизм строил сложную и фантастическую систему, в которой элементы античной идеалистической философии причудливо переплетались с учениями различных восточных религий.

Христианство во II веке принуждено было выдержать с гностицизмом ожесточенную борьбу, так как он проник внутрь христианской церкви, где и стал развиваться в качестве одной из первых ересей. Но, разгромив гностицизм, христианство должно было принять некоторые гностические элементы в свою догматику (например, учение о троице).¹

Таковы были основные идеологические предпосылки христианства. В I веке нашей эры среди населения Римской империи, преимущественно его низших и, отчасти, средних слоев, получил широкое распространение некоторый круг идей, которые далеко не всегда были ясны самим их носителям. Если попытаться сформулировать эти идеи, они сведутся к пяти основным положениям. Положение первое: бог один. Положение второе: мир погряз во зле и может спастись только с божественной помощью. Положение третье: бог, воплотившийся в человека, своею смертью искупает грехи человечества. Положение четвертое: в день последнего суда добро восторжествует в преображенном мире, а зло будет наказано. Положение пятое: все люди — братья и должны любить друг друга. Эти пять положений и стали основным идеологическим содержанием христианства, как новой, хотя и синкретической

¹ Под сильным влиянием филоновско-гностических представлений находится 4-е евангелие (Иоанна).

религии, вобравшей в себя различные, существовавшие еще до нее, идеологические элементы.

Теперь мы переходим ко второму, гораздо более трудному вопросу: *как* появилось христианство? Трудность его, как мы видели, кроется в характере источников, либо явно недостоверных, либо не дающих конкретного материала. Вот почему, отвечая на второй вопрос, нельзя забывать, что необходимо дальнейшее исследование этой проблемы.

Хотя процесс образования раннего христианства был довольно длительным, но можно предположить, что, как самостоятельное течение, оно оформляется во второй половине I века нашей эры. Оно постепенно отделяется от других восточных культов и приобретает собственные организационные формы. Произошло это раньше всего в городах восточной половины Римской империи — в Малой Азии, Сирии, Египте, откуда новая религия быстро перекинулась на Запад.

Показательно, что самый ранний памятник христианской литературы — «Апокалипсис» Иоанна — адресован семи *малозападным* христианским общинам: эфесской, смирнской, пергамской, тиатирской, сардской, филладельфийской и лаодикийской. Тесная связь раннего христианства с иудаизмом (особенно ярко эта связь выступает в том же «Апокалипсисе») заставляет предположить, что новая религия впервые начала оформляться среди еврейских общин городов Востока (среди евреев так называемого «рассеяния», диаспоры, т. е. живших вне Палестины). Перенесение места возникновения христианства в Палестину является результатом позднейших домыслов.

Христианство началось, как указывает Энгельс, с образования «многочисленных сект, борющихся друг с другом по меньшей мере с такой же ожесточенностью, как и с общим внешним врагом».¹

Об этих сектах мы можем прочесть в «Апокалипсисе» и в других памятниках раннехристианской литературы. Одни из них были чисто иудейские, в других сильнее выступали эллинистические (греко-восточные) влияния, в третьих уже звучали новые мотивы.

Эти последние, новые мотивы и легли в основу христианства.

Самый процесс образования всех этих дохристианских и раннехристианских сект носил массовый, стихийный характер.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 419.

Наука твердо установила, что образ Иисуса Христа, предполагаемого единоличного создателя христианства, — образ чисто мифический, не имеющий под собой никакой реальной основы.

Неисторичность Иисуса можно доказать рядом весьма обоснованных соображений. Прежде всего, как мы видели, об Иисусе молчит вся более или менее близкая к нему по времени нехристианская литература. Там же, где мы встречаем упоминания о нем, это либо подделки, либо общие места, не дающие никакого конкретного материала. Особенно показательны в этом отношении молчание Иосифа Флавия, который не мог не упомянуть об Иисусе, если бы тот действительно существовал.

Далее, характерен такой факт: чем древнее христианское произведение, тем абстрактнее в нем образ Иисуса и, наоборот, чем оно моложе, тем больше в последнем реальных черт. Так, например, в таких ранних произведениях, как «Апокалипсис», Иисус выступает в виде божественного, сверхъестественного существа, лишеного всяких реальных человеческих черт. В евангелиях же — перед нами живая фигура. О чем говорит этот факт? О том, что конкретный человеческий образ Иисуса явился плодом позднейшего творчества. Первоначально же он мыслился только как абстрактный образ мессии.

Что же касается евангелий, то мы уже видели, сколько в них путаницы, противоречий и всяких абсурдов. Поэтому кажущаяся «реальность» евангельского Иисуса — чисто мнимая, выдуманная. Она разлетается вдребезги при одном лишь прикосновении критики.

Возникнув в иудейской среде, христианство быстро вбирает в себя наиболее общие религиозные представления эпохи, разрывает с иудейством и становится новой религией, носящей универсальный восточно-греко-римский характер. В этом разрыве с иудейством немалую роль сыграло восстание в Иудее 66—70 годов, которое привело к обособлению иудейства от греко-римского мира.

Процесс отделения христианства от иудейства¹ можно

¹ Христианская традиция приписывает здесь большую роль апостолу Павлу (Савлу), «второму основателю христианства», как иногда его именуют буржуазные историки церкви. Его деятельности приписывается такое большое значение, что некоторые называют его учение «павлинизмом». Этим названием хотят подчеркнуть греко-римский характер проповеди Павла, в отличие от чисто иудейского учения Иисуса. Личность Павла тоже неисторична.

легко проследить по раннехристианским источникам. В «Деяниях апостолов» (гл. 15) рассказывается о большой дискуссии, которая имела место в раннехристианских общинах по вопросу о том, нужно ли подвергать обрезанию не-иудеев, переходящих в христианство, и вообще должны ли они соблюдать закон Моисеев. Спор закончился тем, что соблюдение закона было признано для христиан необязательным.

Причиной быстрого распространения христианства явилось не только то, что оно сумело удачно объединить все основные религиозные идеи своей эпохи и придать им наиболее общий характер, свободный от всех местных особенностей; не только то, что оно распространялось в рамках единого государства — Римской империи. Успехи новой религии были вызваны также ее организационными формами. Христиане составляли в каждом городе общину верующих. Это было не только объединение единоверцев, но и своеобразный союз взаимопомощи и благотворительности. Так как большинство членов общины первоначально принадлежало к неимущим и малоимущим слоям городского населения, то этот момент играл большую роль. В каждой общине существовала касса, из средств которой раздавались пособия и устраивались общие трапезы. Эта касса пополнялась за счет взносов верующих.

В раннем христианстве почти совершенно отсутствовали обряды. «Христианство, — говорит Энгельс, — не знало никаких вносящих разделение обрядов, не знало даже жертвоприношений и процессий классической древности. Отрицая, таким образом, все национальные религии и общую им всем обрядность, обращаясь ко всем народам без различия, христианство само становится *первой возможной мировой религией*».¹

Никакой сколько-нибудь прочной и постоянной организации у раннехристианских общин не было; отсутствовали и постоянные должностные лица (кроме, быть может, одного-двух человек, ведавших несложным хозяйством общины). Руководство в них принадлежало странствующим проповедникам, «пророкам» и «апостолам», создававшим новое учение и разносившим его по городам империи. Это были представители бедноты, настроенные весьма экзальтированно. Они предсказывали второе пришествие Христа и призывали к покаянию.

Среди таких «пророков» встречались темные личности, при-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 609.

мазавшиеся к новому движению. Яркий образ такой фигуры мы находим в произведении греческого писателя II века нашей эры Лукиана — «О кончине Перегрин». Этот Перегрин, авантюрист и уголовный преступник, сделался потом христианским странствующим «пророком» и кончил свою бурную жизнь самоожжением на костре.

Настроения, господствовавшие в ранних христианских общинах, отвечали их социальному составу: уравнилельные стремления, нападки на богатых, восхваление бедности, ненависть к всеобщему угнетателю — Риму.

Памятником религиозных настроений общественных низов Римской империи первой половины I века нашей эры, т. е. как раз той эпохи, когда складывались предпосылки христианства, являются своеобразные произведения народного творчества, известные под названием сивиллиных пророчеств.¹ Для них характерны мессианские чаяния, пронизанные социальными моментами. Они рисуют картину страшного суда. Сын божий явится во всей своей славе и учинит суд над живыми и мертвыми. Все общественные отношения будут перевернуты: господа превратятся в рабов, а рабы станут господами. Эти произведения переполнены нападками на Рим, на имущественное неравенство, на богачей.

Антисобственнические и антигосударственные мотивы можно проследить даже в официальной (канонической) христианской литературе, несмотря на энергичную обработку, которой она подвергалась в последующие времена, когда из нее старались вытравить всякий «мятежный» дух. «Апокалипсис» Иоанна проникнут яркой ненавистью к Риму, и только метафорическая форма, в которую облечены нападки на «великую блудницу», спасли «Апокалипсис» от включения в число «апокрифических» книг. В «нагорной проповеди», как она изложена в евангелии Луки (гл. 6), мы читаем: «Блаженны нищие, ибо ваше есть царство божие. Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь. Блаженны плачущие ныне, ибо воссмеетесь... Напротив горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение. Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете. Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете».²

¹ Их приписывали древней пророчице Сивилле из г. Кум в Италии.

² В более позднем евангелии Матфея (гл. 5) это место уже подверглось обработке: «Блаженны нищие *духом*, ибо их есть царство небесное... Блаженны алчущие и жаждущие *правды*, ибо они насытятся...»

Знаменитая притча о Лазаре (Лука, гл. 16) ярко отражает идеологию бедноты: «Некоторый человек был богат, одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно. Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпьях и желал напитаться крошками, падающими со стола богача, и псы, приходя, лизали струпья его. Умер нищий и отнесен был ангелами на лоно Авраамово; умер и богач, и похоронили его; и в аде, будучи в муках, он поднял глаза свои, увидел вдали Авраама и Лазаря на лоне его и, возопив, сказал: отче Аврааме! умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучусь в пламени сем. Но Авраам сказал: чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь злое, ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь».

Однако характерно, что в этой притче противоречие между богатыми и бедными разрешается не в земной жизни, а в загробной. Сглаживание классовых противоречий так же типично для христианства, как и для всякой другой религии.

Учение о равенстве людей, как *грешников*, было одним из догматов раннего христианства: «Нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, ни варвара, ни скифа, ни раба, ни свободного, но все и во всем Христос». (Послание ап. Павла к колоссянам, гл. 3).

Выше мы указывали, что в учении Иисуса, как оно изложено в евангелиях, нет единства и стройности. И это вполне понятно, принимая во внимание длинный и сложный путь образования евангельской традиции, ее многослойность, то, что в ней отразились взгляды разных периодов и различных классов. Однако среди хаоса противоречащих друг другу утверждений можно все-таки найти некоторую общую линию. Она вытекает, прежде всего, из социального состава ранних христианских общин. Первые христиане вербовались из рабов, деклассированной городской бедноты, разорвавшихся мелких собственников и тому подобных элементов.¹ Все эти общественные группы, в предыдущий период (II—I века до нашей эры) принимавшие участие в революционном движении, теперь, в I веке нашей эры, раздавленные гигантской машиной империи, были уже неспособны к сколько-нибудь активному массовому движению. Среди них распространяются настроения апа-

¹ Ср. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 422.

тии и покорности. Отдельные бунтарские вспышки тонут в общем состоянии депрессии. На такой почве и выросла основная идея христианской морали, выраженная в известной формуле: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Матфей, гл. 5).

Зародившись еще в раннем христианстве, эта мораль непротивления и покорности в дальнейшем, когда состав христианских общин начал меняться, оказалась очень удобной для имущих классов. Поэтому она и стала официальной моралью христианской церкви.

Решительный перелом в истории христианства произошел во второй половине II века и был связан с кризисом Римской империи. Первое открытое и резкое проявление его относится ко времени царствования императора Марка Аврелия (161—180 годы). Это было начало общего кризиса рабовладельческой системы, подготовлявшегося уже давно и приведшего, в конце концов, к гибели античного общества в V—VI веках. Кризис коснулся всех сторон жизни империи и, в частности, проявился в кризисе идеологии, охватывавшем все более широкие круги римского общества и все глубже проникавшем в общественное сознание.

Конечно, кризис идеологии, как мы видели, имел место еще в I веке империи и привел к появлению новой религии. Но тогда кризис захватил преимущественно низы римского общества, так как в основном был вызван разгромом революционного движения конца республики. Теперь корни кризиса лежали глубже, а поэтому и проявления его в области идеологии были значительнее. Анализ произведений греческих и римских писателей II века (Лукиана, Апулея, Марка Аврелия и др.) показывает, что рост скептицизма и неверия в римском обществе сопровождался усилением идеализма, религиозных исканий, увлечением восточными культами, мистикой, магией и пр. Эти настроения захватывали все более широкие общественные круги и облегчали проникновение в них христианства.

С другой стороны, принадлежность к христианам во II веке стала выгодной в экономическом отношении. Христианские общины были разбросаны во всех крупных городах империи и поддерживали друг с другом тесную связь. Это создавало большие удобства для торговцев и ремесленников, что особенно сказалось во второй половине II века, когда экономический кризис всего сильнее ударил именно по этим слоям.

Анализируя произведения христианских писателей конца II — начала III веков (особенно Тертуллиана), мы видим, что в христианских общинах второй половины II века уже преобладает среднее городское население: купцы, ремесленники, средней руки землевладельцы и другие имущие элементы.

Изменение социального состава христианских общин во II веке вызвало коренной перелом в христианстве: *из религии угнетенных оно стало превращаться в религию угнетателей*. Приток имущих элементов постепенно оттеснял на задний план рабов и бедноту. Вполне понятно, что с настроениями апокалипсисов и сивиллиных пророчеств начинают бороться. В христианской литературе II века, правда, еще встречаются оппозиционные выпады, но они все более и более заглушаются другими тенденциями.

На смену антисобственническим, уравнилельным и антигосударственным формулам первоначального христианства появляются другие, которые освящают социальное неравенство, санкционируют рабство и примиряются с языческим государством. «Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу» (Послание апостола Павла к ефесянам, гл. 6).

В появлении этого наставления нет ничего удивительного, поскольку, по видимому, наличие в христианских общинах самых настоящих рабовладельцев во II веке отнюдь не являлось исключением. Об этом мы читаем в первом послании апостола Павла к Тимофею (гл. 6): «Рабы, под игом находящиеся, должны почитать господ своих достойными всякой чести, дабы не было хулы на имя божие и учение. Те, которые имеют господами верных, не должны обращаться с ними небрежно, потому что они братья; но тем более должны служить им, что они верные и возлюбленные и благодетельствуют им». Очевидно, нерадивость рабов-христиан, служивших у господ-христиан, была настолько бытовым явлением, что потребовалось специальное «апостольское послание» для наставления «заблуждающихся»!

«Всякая душа да будет покорна высшим властям,— читаем в послании апостола Павла к римлянам, — ибо нет власти не от бога, существующие же власти от бога установлены» (гл. 12). Приведенное выше изречение Иисуса «отдайте кесарево кесарю, а божие богу» также, по видимому, является продуктом творчества II, а не I века.

Во II веке начинает складываться более прочная организация христианских общин. Раньше, как мы видели, такая орга-

низация почти отсутствовала, в частности не было постоянных должностных лиц (клира). Руководство общинами принадлежало странствующим проповедникам, «пророкам» и «чудотворцам». Но когда в христианстве стали брать верх зажиточные слои, такое положение вещей сделалось нетерпимым. Начинается борьба с «пророчеством», как идейно-организационным течением. Управление общинами постепенно переходит в руки постоянного клира, выбираемого из членов данной общины и принадлежащего к ее имущей части. Появляются пресвитеры (старейшины, или священники), диаконы (заведующие хозяйственной частью) и епископы (надзиратели, ведавшие общинной кассой). Они берут в свои руки все дела общин и наводят в них «порядок» в интересах имущих. Уже в середине II века «пророки» могли проповедывать лишь под контролем пресвитеров и епископов. Прежняя уравнительная практика (разделы имущества, коллективное питание) сокращается, все более и более заменяясь простой благотворительностью.

Параллельно с этим идет обработка христианской литературы. Из нее стараются вытравить идеологию сивиллиных пророчеств с ее «бунтарскими» тенденциями. Начинает вырабатываться список канонических книг, в которых настроения раннего христианства чувствуются значительно меньше. Вся «пророческая» литература попадает в число апокрифических («подложных») книг.

Во II веке складываются и основные христианские обряды, которые отсутствовали в раннем христианстве. Их возникновение было связано с широким проникновением в число христиан неиудейских элементов. Поклонники Осириса и Исиды, Аттиса и Кибелы, митрансты, гностики и т. п., становясь христианами, приносят в новую религию свои старые представления и обряды. Многие из этого входят в христианство, становятся его органической составной частью. Праздник еврейской пасхи под влиянием языческих мистерий превращается в христианскую пасху, связанную с мифом о страданиях, смерти и воскресении Иисуса. Иудейский праздник «пятидесятницы» превращается в христианскую «троицу», в основе которой лежит миф о «сошествии святого духа на апостолов». Позднее оформляются праздники «крещения господня», «рождества Христова» и др., представляющие собой христианскую обработку соответствующих языческих праздников.

Обрядовая сторона христианства усложняется. Появляются различные «таинства» — миропомазание, крещение, причаще-

ние. Прежде общинные собрания и трапезы превращаются в сложное церковное богослужение, которое совершается только духовенством (клиром). Остальная масса верующих принимает в этом лишь пассивное участие.

В III веке процесс перерождения христианства идет еще дальше. Общий кризис империи приобретает чрезвычайно острые формы. Наряду с полным расстройством хозяйственной жизни, губительными вторжениями варваров, эпидемиями, голодовками, разворачивается широкое революционное движение рабов, колонов и городской бедноты. Кризис бросает в объятия новой религии все более широкие слои римского общества, вплоть до крупных собственников. Принятие ими христианства происходит тем легче, что прежняя религия рабов и бедняков потеряла свою былую оппозиционность и перешла на службу к господствующим классам.

В III веке окончательно складывается общая церковная организация для всей империи. Епископы становятся во главе общин, подчиняя себе остальной клир. В усилении епископов решающую роль сыграло то обстоятельство, что в их руках находилось заведывание общинными кассами. Руководящую роль в церкви начинают играть епископы провинциальных центров (митрополиты), которым подчинены рядовые епископы. Таким образом, появляется церковная иерархия с монархическим епископатом во главе. Церковь бюрократизируется. В конце III и начале IV веков на высших церковных постах сидят богатые землевладельцы, купцы и ростовщики. Среди христиан мы видим представителей аристократии, вплоть до членов императорской семьи.

Но в том же III веке церковь испытала первые крупные преследования со стороны государства. Известия о «гонениях» на христиан до III века, повидимому, вымышлены. Впоследствии, когда церковь была легализована, христианам было во всех отношениях выгодно изображать себя мучениками за веру. Тогда и родились бесчисленные легенды о гонениях. В действительности их было гораздо меньше.

Но, во всяком случае, в III и в начале IV веков в разных частях империи имели место довольно крупные преследования христиан. Это было связано с ростом революционного движения. Хотя христианство гасило революционную энергию масс, направляя ее по иному руслу, подменяло реальную борьбу во имя земных целей иллюзорными надеждами на сверхъестественную помощь и загробное воздаяние, но в раннем христианстве были моменты, направленные против существующего

строю. В III веке и эти моменты почти совершенно исчезают.

Однако римское правительство продолжало по-старому рассматривать христианство как тайную, подпольную секту. В борьбе с революционным кризисом III века оно не всегда разбиралось в действительном положении вещей и легко могло принять христиан за «бунтовщиков», тем более, что они сами давали к этому повод. Так, христиане отказывались приносить жертвы богам, поклоняться гению императора. Это создавало вокруг них атмосферу подозрительности. Про христиан распускали вздорные слухи: им приписывали убийства детей и причащение их кровью, говорили, что во время молитвенных собраний они предаются разврату и т. п.

К этому нужно добавить, что церковь и многие ее сановники были очень богаты. Практика конфискаций, столь распространенная в III веке, могла найти здесь хорошее применение. И действительно, во всех гонениях III—IV веков (при императорах Деции, Валериане, Диоклециане) основной целью является не столько преследование христиан, как таковых, сколько конфискация имущества у богатых членов церкви.

Последними, наиболее крупными «гонениями» были преследования христиан при императоре Диоклециане и его ближайших преемниках. Они тянулись с перерывами с 303 по 311 годы. Это была последняя попытка открытой силой сломить новую религию. Из этой попытки ничего не вышло, и в 313 году императоры Константин и Лициний миланским эдиктом легализовали христианство. Отныне христиане стали пользоваться теми же правами, что и представители других религий.

Почему же римское государство признало христианскую церковь? Здесь прежде всего действовали соображения политического порядка. К IV веку церковь превратилась в сильнейшую организацию, охватывавшую почти всю империю; это было государство в государстве. Церковь владела огромными богатствами, насчитывала в своих рядах большое количество высших чиновников, крупных земельных собственников и подавляющую массу торгово-промышленного населения городов. Она обладала мощным аппаратом управления, немногим уступавшим имперской бюрократии.

При таких условиях признать церковь означало для государства найти новую социальную опору. Императоры конца III и начала IV веков, особенно Диоклециан и Константин, пытаясь бороться с кризисом империи, провели ряд реформ

с целью оздоровления хозяйственной жизни и укрепления власти. Признавая христианскую церковь и заключая с ней союз, государство не только укрепляло свою хозяйственную базу, но и подводило идеологический фундамент под императорскую власть, которая отныне становится абсолютной монархией «милостью божией». «Честолюбивый *Константин*, — говорит Энгельс, — убедился, что принять эту бессмысленную религию — лучшее средство для того, чтобы возвыситься до положения самодержца римского мира».¹

С этой точки зрения преследования христиан 303—311 годов были в значительной степени основаны на недоразумении. Они объясняются тем, что Диоклециан, особенно энергично борющийся с революционным движением в III веке, был слишком тесно связан со старыми языческими традициями и не мог изменить точку зрения на христиан, как на мятежников. Константин же, выросший в иной среде, был свободен от этих традиций и мог подойти к христианству более объективно и трезво. Он не только легализовал новую религию миланским эдиктом: фактически уже при нем христианство начало превращаться в государственную религию. Формально император держался принципа веротерпимости, провозглашенной эдиктом: языческий культ не подвергался никаким преследованиям, языческие обряды официально совершались наряду с христианскими. Сам император, повидимому, был крещен только перед смертью, а при жизни принимал божеские почести в качестве олицетворенного Гелиоса (Солнца).

Но Константин был реальным и дальновидным политиком. Он видел, в какую силу превратилась маленькая секта. Непосредственный продолжатель Диоклециана в деле укрепления римской императорской власти, Константин искал для нее новую, более прочную и более широкую идеологическую базу. Старые боги греко-римского пантеона и даже божества восточных культов для этой цели уже не годились. Абсолютную, ничем не ограниченную и ничем не прикрытую власть единого земного бога, римского императора, должна была подкреплять такая же абсолютная власть единого небесного императора, бога христианской религии.

Вот почему Константин, официально держась позиции веротерпимости, на деле покровительствовал христианству. Он дал христианской церкви большие льготы и принимал живейшее участие во внутрицерковной борьбе. Христианское

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 603.

духовенство получило освобождение от личных повинностей, ему было предоставлено право суда по церковным делам, христианские общины получили права юридических лиц (право владеть имуществом, принимать наследства, покупать и освобождать рабов и т. д.). Константин председательствовал на церковном съезде в Никее, осудившем ересь Ария, и хотя сам чувствовал симпатии к арианству, однако проводил в жизнь постановления съезда. Сыновей своих он воспитал в христианской вере.

Признание христианства было выгодно обеим сторонам. Церковь, во всяком случае, получала от этого не меньше, чем государство. Помимо непосредственных выгод легальности, признание государством давало церковным верхам сильнейшее оружие для внутрицерковной борьбы.

В IV веке в недрах христианской церкви стало очень тревожно. Усиление собственнических элементов, укрепление церковного аппарата, перестройка всей идеологии христианства неизбежно должны были вызвать резкую оппозицию церковных низов. «...Христиане, получив положение государственной религии, «забыли» о «наивностях» первоначального христианства с его демократически-революционным духом».¹ Как ни старались замазать первоначальный плебейский дух христианства, пропасть между тем, о чем учили с церковной кафедры, и тем, что видели в действительности, была слишком велика. С одной стороны, — сытый «клир», «братья» из аристократии, ростовщиков и крупных землевладельцев, с другой — те же «братья во Христе», нищие и голодные массы городского и сельского плебса, рабов и колонов.

Резкое обострение всех социальных противоречий, сказавшееся в империи с конца II века, проявилось и в христианстве. Там процесс в сильной степени ускорялся аристократизацией церкви, создававшей свои, внутрицерковные противоречия.

На этой почве появились так называемые «ереси»,² течения в христианстве, враждебные правившим церковным кругам и господствовавшим в церкви взглядам. Они отражали, главным образом, идеологию христианских низов — рабов, колонов, городской бедноты и отчасти — настроения средней городской прослойки. В отдельных случаях в ересах проявлялась борьба за власть различных церковных кругов.

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 25, стр. 392.

² Древнегреческое — секта.

Кроме гностицизма, одной из первых ересей был монтеизм (по имени «пророка» Монтана). Это было учение, вышедшее в конце II века против «обмирщения» христианства, церковных имуществ, примирения с государством и т. д. Монтанисты ожидали скорого пришествия Христа и страшного суда, а поэтому отрицали земные блага и вели аскетический образ жизни. Они резко протестовали против всякого компромисса с языческим государством, к чему подчас была склонна имущая прослойка христианских общин.

Это примиренчество особенно проявлялось во время гонений, когда множество христиан отрекалось от новой религии — обычно только для вида и на время. В такие моменты монтеизм особенно усиливался, объединяя в своих рядах всех непримиримых. Так, во времена гонений при Деции и особенно при Диоклетиане монтеизм процветал в Северной Африке. Он принял там название донатизма, от имени епископа Доната, главы непримиримых. Раскол дошел до того, что в Северной Африке образовалось две церкви: донатистская и ортодоксальная (правоверная).

В некоторой связи с донатизмом стояло революционное движение североафриканских рабов и колонов, известное под названием движения агонистиков, или циркумцеллионов. Агонистиками, «борцами» (подразумевается — за правую веру), называли себя они сами; циркумцеллионами, «бродягами», — называли их противники. Это движение особенно развернулось в 40-х годах IV века. Агонистики в своей церковной программе выступали в защиту донатистской церкви. Что же касается их практической деятельности, то она состояла в поджогах и разграблении усадеб, в избиении богатых землевладельцев, в освобождении рабов и должников. Это движение носило настолько революционный характер, что руководство донатистской церкви отмежеввалось от него. Римские войска дважды наносили поражения агонистикам, после чего движение пошло на убыль, но держалось в Африке до самого начала V века.

Самой сильной и опасной для церкви ересью IV века было арианство. Его основателем был Арий, пресвитер в Александрии, широко известный своим аскетическим образом жизни. Сущность его учения состояла в том, что сын божий сотворен богом отцом, а поэтому ниже его. Ортодоксальное же течение утверждало, что все три лица троицы единосущны, вечны и поэтому равны.

Вокруг этого расхождения закипели ожесточенные споры. Под знаменем арианства скоро собрались все элементы, недовольные церковными порядками. Мало того, арианство объединило в своих рядах остатки разгромленной языческой идеологии и пыталось завоевать христианство на его же почве и его же оружием.¹ Арианство проникло к варварам (готам, позднее лангобардам), и под его флагом велась борьба против империи.

В обстановке внутренней борьбы церковным верхам была чрезвычайно важна помощь государства. Константин признал христианство не для того, чтобы безучастно смотреть на раздиравшие церковь споры. Ему была нужна церковь сильная и единая. Вот почему он принимает участие в борьбе на стороне господствующего течения. Когда в 325 году собрался церковный съезд в Никее (Никейский собор) для обсуждения арианской ереси, император на нем председательствовал и присоединился к точке зрения большинства, хотя, как указывалось выше, сочувствовал арианству. В принятом на съезде «символе веры» арианство было осуждено.

Хотя и после этого в церковной политике империи бывали неоднократные колебания,² однако к концу IV века «правверное» течение в христианстве одержало верх. Церковь в союзе с государством разгромила все направления, враждебные правящим общественным кругам: земельным магнатам поздней империи, верхушке церковного клира, крупным чиновникам и высшему командному составу армии.

Христианство из религии угнетенных, каким оно было в I веке, окончательно превратилось в религию угнетателей, освящающую всякий гнет и всякое насилие. Однако еще долго после этого народные массы, не видя выхода из тисков нужды и голода, одураченные попами, обманутые «демократической» личиной христианства, оставались под его дурманом. Только с появлением в эпоху капитализма индустриального пролетариата и марксизма-ленинизма, как его мировоззрения, появилась возможность для трудящихся преодолеть извечный гип-

¹ В учении Ария о том, что сын божий сотворен отцом, воскресло в новой форме филиновско-гностическое представление о Логосе, как посреднике между богом и миром.

² Уже через 3 года после Никейского собора отправленные в изгнание вожди арианства были возвращены. Сын и преемник Константина Констанций был открытым арианом, а при преемнике Констанция, императоре Юлиане «Отступнике» (361—363 годы), на короткое время была даже сделана попытка вернуться к язычеству.

ной религии и самой утонченной ее формы — христианства. В СССР, стране победившего социализма, остатки религии существуют только как один из последних умирающих пережитков идеологии капитализма.

«Социальные принципы христианства, — писал Карл Маркс, — оправдывали античное рабство, превозносили средневековое крепостничество и умеют также, в случае нужды, защитить, хотя и с жалкой grimасой, современное угнетение пролетариата.

«Социальные принципы христианства проповедают необходимость существования классов — господствующего и поработаемого, — и для последнего у них находится лишь благочестивое пожелание, чтобы первый ему благодетельствовал.

«Социальные принципы христианства переносят на небо обещанное... вознаграждение за все перенесенные на земле мерзости и тем самым оправдывают продолжение этих мерзостей на земле.

«Социальные принципы христианства провозглашают всегнусности угнетателей против угнетаемых либо справедливым наказанием за первородный и другие грехи, либо испытанием, которое господь в своей премудрости ниспосылает испуленным им людям.

«Социальные принципы христианства превозносят трусость, презрение к самому себе, самоунижение, подчинение, смирение, словом — все качества черни, но для пролетариата, который не желает, чтобы с ним обращались, как с отребьем человечества, для пролетариата смелость, самосознание, чувство гордости и независимости — важнее хлеба».¹

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 173—174.

ЛИТЕРАТУРА

К. Маркс. Коммунизм «Рейнского обозревателя». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 173—174.

К. Маркс. Капитал. Т. I. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 89.

Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 322.

Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 674.

Ф. Энгельс. Бруно Бауэр и раннее христианство. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 602—610.

Ф. Энгельс. К истории раннего христианства. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 409—431.

Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1949, стр. 152—156.

В. И. Ленин. Об отношении рабочей партии к религии. Соч., изд. 4-е, т. 15, стр. 371.

В. И. Ленин. Государство и революция. Соч., изд. 4-е, т. 25, стр. 392.

В. И. Ленин. О государстве. Соч., изд. 4-е, т. 29, стр. 499.

В. И. Ленин. О значении воинствующего материализма. Соч., изд. 4-е, т. 33, стр. 201—210.

В. И. Ленин. Письмо А. М. Горькому. Соч., изд. 4-е, т. 35, стр. 93.

И. В. Сталин. Октябрьская революция и вопрос о средних слоях. Соч., т. 5, стр. 347.

И. В. Сталин. По поводу смерти Ленина. Соч., т. 6, стр. 47.

И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Изд. «Правда», 1950.